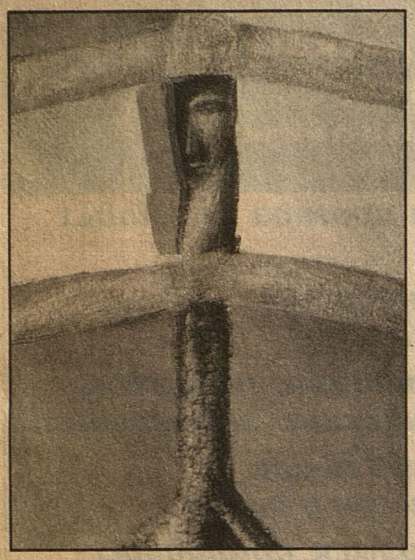
Мкртчян Сурен 25.04.97.

Музыкальная ПРАВДА

СОЛНЕЧНАЯ ЖИВОПИСЬ СУРЕНА МКРТЧЯНА



Как известно, занимаясь переводом пьесы **Эдмона Ростана** "Сирано де Бержерак", **Татьяна Львовна Щепкина-Куперник** сочинила песню-гимн гвардейцев-гасконцев, без которой теперь не обходится ни одна постановка "Сирано". Песня действительно великолепно "вписалась" в текст пьесы, а ее строки "мы все под полуденным солнцем и с солнцем в крови рождены" стали, как принято говорить, "крылатыми".

В полной мере, как мне кажется, относятся они к московскому художнику **С.Мкртчяну**. Детство и юность его прошли в Ереване, и горячее солнце Армении, синева ее неба и сладостный аромат виноградников навсегда остались в его сердце, в творчестве.

– Самые прекрасные воспоминания, самые чудесные моменты моей жизни связаны с Ереваном, – говорит Сурен. – Бывает, что все не ладится, все черно в жизни, но стоит вспомнить школу, семью и сразу – легче. Дома у меня была очень хорошая атмосфера, родители меня понимали. Мой отец, главный режиссер ереванского театра имени Сундукяна, собрал для меня отличную библиотеку по современному искусству. В школе разрешалось рисовать все, что угодно. Там было куда больше свободы творчества, чем в Москве, а преподаватели отличались передовыми взглядами на искусство и воспитание, давали нам свободно развиваться. Знаете, один московский коллега, увидев мой школьный рисунок, сказал: меня бы за такое моментально выгнали из художественной школы. А я рисовал все, что душе угодно, и вместо 10 заданных работ делал всегда по 20 – 30, так любил рисовать. Да и сейчас для меня нет большей радости, чем работа. Самое большое удовольствие – стоять за мольбертом. А когда я после института и армии переехал в Москву, было очень трудно. Но только в Москве я мог развиваться дальше. На моей родине круг художников тесен, мне нужна была новая среда.

Так в Москве появился живописец Сурен Мкртчян. Его мастерская – в тихом переулочке возле Чистых прудов. Но нет в работах Сурена ничего от московской старины, от пленительного обаяния романтических бульваров. Этот художник никогда не пишет с натуры. Его картины – сплошь эмоции, настроения, сны, воспоминания... Сурен называет свою манеру живописи "методом магического реализма". Его картины невероятно красивы. Мы встретились в канун Старого нового года, и в мастерской еще стояла пушистая елка, убранная яркими шарами, нарядными бусами. Эта счастливая праздничная пестрота, словно в зеркалах, отражалась в развешанных по стенам холстах. И невесть почему сильнее стучало сердце и пробегал по коже озноб от предчувствия неведомых радостей...

От картин Сурена Мкртчяна исходит энергия чистоты, любви, света. Светом пронизаны даже темные по колориту работы.

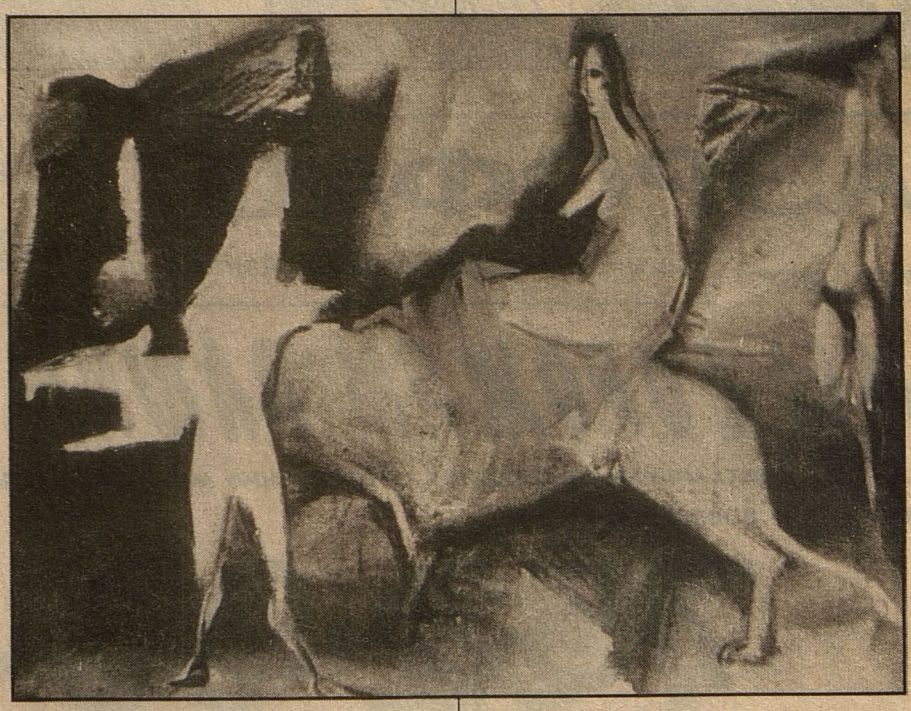
– Самый прекрасный момент, когда подходишь к чистому холсту, – рассказывает художник. – Самый трудный – когда заканчиваешь картину. Иногда я не могу завершить начатое по 5 – 6 лет. Импульс, настроение, мысль, давшие идею, проходят, а хорошая работа, по-моему, та, где сочетаются высокая техника, эмоциональность и мысль. Я хотел бы, чтобы зрители глаз не могли оторвать от моих холстов, чтобы живопись ввергала их в шоковое состояние.

Цветовое решение картин С.Мкртчяна построено на контрастах светлого и темного. У него много золотисто-коричневого, золотого, желтого, лимонного. Удивителен его красный – тревожный и волнующий. Когда-то Сурен серьезно занимался музыкой, играл на скрипке и на всю жизнь сохранил любовь к классике, к **Моцарту**. Я подумала: не от божественного ли Амадея унаследовал он свой красный цвет? В каждом из нас живет генетическая память человечества, но художник, как никто, способен уловить ее слабо мелькающие черты, превратить их в краски и линии, заставить нас поверить в вечную силу любви. Память, литература, музыка, переплавившись в краски, дают жизнь картинам. Вот серия "Средневековье", где "Гамлет", "Король", "Гертруда". Что это – иллюстрации к **Шекспиру** или воплощенные на холсте темные страсти, таящиеся в душе даже самого просвещенного и гуманного человека? Ответа на это, пожалуй, не даст и сам художник.

Описывать картины – неблагодарное дело, как всем известно. Это все равно, что описать запах белой сирени после дождя. Это нужно пережить, но можно описать свои мысли, вызванные той или иной картиной, ведь все равно впечатление от нее у каждого свое и часто совсем не то, которого ждет автор.

Скажем, "Автопортрет с Дон-Кихотом" говорит сам за себя. Но что такое "Загадка женщины" – обнаженная женщина с прекрасным телом, в железной маске? Что подумать? У нее уродливое лицо? Или лицо – не главное вообще, или то, что нам показывают, волнует менее, чем то, что скрыто? На полотнах Мкртчяна много женщин – молодых и старых, но всегда прекрасных. Его последняя "Серия импровизаций" почти полностью состоит из женских портретов. Гордая красавица в праздничном ярком наряде ("Ожидание") замерла в предвкушении счастья. А с другой картины – "Крестьянка" – смотрит на нее пожилая, умудренная опытом женщина, знающая уже как трудно и недолговечно это самое женское счастье. Однако последние работы Сурена интересны не столько содержанием, сколько новой техникой исполнения. Он необычайно интересно использует фактуру холста, "мешковину", кажется, что картины не написаны маслом, а вытканы, словно гобелены или старинные среднеазиатские ковры. Такая техника живописи придает лицам женщин на портретах Мкртчяна особую выразительность и значимость. И потоки небесного света, пронизывающие картины, обретают вполне земную плоть.

– Наверное, мои работы понравятся не всем. Но я убежден, что художник всегда прав, поскольку он прав перед собой, своим искусством и своей совестью. Мне мои картины нравятся, потому что в них – весь я, со своими мыслями, взглядами на жизнь, своей духовностью. Я бы хотел, чтобы люди, глядя на мои картины, становились добрее, лучше. Об этом мечтает каждый художник, но я желаю этого так сильно, что порой сутками не отхожу от мольберта. Слава Богу, что у меня есть **Люда** – жена, разделяющая все мои устремления. Она во всем мне помогает, освобождает от бытовых проблем, чтобы я мог спокойно работать. Доходит иногда до того, что она кормит меня с ложки, когда я не могу по многу часов оторваться от картины... Художники растут по-разному. Одни – как бамбук, очень быстро и высоко, другие – как самшит, медленно, но на века. Думаю, что я буду еще долго-долго расти и все лучшее у меня – впереди.



Татьяна БАСОВА.

На снимках: "Идол", "Похищение Европы".